
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Владислав Георгиевич Романовский
Доцент кафедры уголовного права
Пензенского государственного
университета, кандидат
юридических наук
E-mail: ur406@mail.ru

Правовой режим социальных сетей в условиях обеспечения национальной безопасности*

Аннотация. *Формирование правовой базы, определяющей особенности регулирования социальных сетей, происходит как в России, так и за рубежом (в частности, так называемым законом «о суверенном интернете»). Это актуализировало исследования, посвященные выявлению пробелов в правовой политике и текущем отраслевом регулировании. Цель работы – провести сравнительно-правовое исследование зарубежных правовых актов, посвященных регулированию социальных сетей. За основу были взяты китайская модель и опыт Германии. Методы исследования: сравнительно-правовой, метод анализа нормативно-правового регулирования. Результаты: показано влияние цифровой коммуникативной среды на формирование правовой культуры молодежи. Делается вывод о необходимости введения некоторых ограничений для технологических гигантов, модернизирующих массовые социальные сети, для обеспечения национальной безопасности.*

Ключевые слова: *социальная сеть, Интернет, регулирование, правовая культура, национальная безопасность, терроризм.*

49

Vladislav Georgievich Romanovsky
Associate Professor of the Criminal
Law department, Penza State University,
Candidate of Legal sciences

Legal Framework for Social Networks in Conditions of Providing National Security

Annotation. *Both in Russia and abroad there is the process of forming legal basement due to determine peculiarities of social networks regulation (in particular its the new law called “on the sovereign Internet”). This fact highlighted the researches aimed to indicate the gaps in legal policy and current sectoral regulation.*

*Публикация выполнена по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ МК-390.2021.2).

The purpose of the present paper is to make comparative legal investigation of legal acts related to social networks regulation. The foreground of the research is the Chinese model and German experience. The author applies comparative legal method and analysis of normative legal regulation. As the results the author shows the impact of digital communicative environment on formation of legal culture among the youths. The research contains the conclusion about the need to implement some restriction for technological giants moderating mass social networks due to provide national security.

Keywords: *social network, Internet, regulation, legal culture, national security, terror.*

Общественные коммуникации в современном мире во многом связаны с функционированием социальных сетей. Молодое поколение уже выросло с Интернетом, выстраивая свой досуг, повседневную жизнь и обычное общение с помощью различных цифровых технологий. Общая статистика показывает, что социальными сетями пользуется более 4 млрд человек. Учитывая, что пользователей Интернета чуть более 4,6 млрд человек, то практически каждый из них находится и в социальной сети [1]. Усредненный пользователь проводит в социальных сетях почти 2,5 часа (в 2021 г. – 145 минут в день, в 2020 г. – 142 минуты) [2]. Это оказывает влияние на все стороны нашей жизни, проникая в политическую и экономическую сферы. Меняются и подходы к формированию информационного поля. Если ранее ключевое значение имела информация как таковая, то сейчас в центре внимания – быстрота ее распространения, децентрализованность, доступность и простота [3, с. 145]. Это не может не беспокоить государства, осознающие концентрацию власти технологических компаний как альтернативных центров формирования и повестки дня, и ее оценки в умах значительного числа граждан.

Интернет как социально-коммуникативная среда активно влияет на правовую культуру, прежде всего, молодежи, оказывая воздействие на поведение и сознание, охватывая при этом значительные сферы информационного пространства. Являясь весьма противоречивой средой, цифровое поле аккумулирует в себе не только позитивные аспекты (расширяя границы общения, предоставляя новые возможности образовательного процесса, обеспечивая оказание многих услуг и др.), но и формирует антисоциальные установки, предоставляя неограниченные возможности доступа к негативному контенту. Традиционные институты не всегда успевают переформатироваться в условиях быстро растущего технологического прогресса, что обуславливает «аномичность духовно-нравственного облика социума, кризис ценностей, смещение морально-нравственных координат и регулятивов» [4, с. 12].

Понимание влияния Интернета на сознание человека происходит и в террористических организациях, все активнее осваивающих цифровое пространство. В 2011 г. «Аль-Каида» (запрещена в Российской Федерации) сделала робкую попытку по продвижению собственного онлайн-журнала под названием «Inspire» («Вдохновляй»), которая практически сразу была блокирована. Некоторое время можно было наблюдать затишье, когда любые попытки активизации своего собственного контента получали ответную реакцию: блокировку и запрет к всеобщему доступу. Разведданные показывали, что ни одна запрещенная террористическая группа не имеет возможностей по совершению

массированных кибератак (хотя в научной литературе выстраивались прогнозы «цифрового Перл-Харбора» [5]), не может создать значимые идеологические платформы, способные оказывать влияние на идеологию значительного числа граждан по всему миру (в частности, это неоднократно отражалось в ежегодных докладах директоров национальной разведки США [6]).

Однако, начиная с 2016 г., произошло переосмысление, триггером которого отчасти стала победа Д. Трампа в президентской гонке в 2016 г., обеспеченная его подписчиками (около 35 млн в Facebook и 25 млн в Instagram), имевшими прямой доступ к его взглядам, программе, мнению. Миру был явлено полное разрушение господства СМИ и ведущих информационных агентств. Социальные сети доказали, что отдельная личность (как бы к ней не формировалось общественное отношение) может становиться источником информации, производить ее, интерпретировать, а также представлять оценку иных сведений и фактов.

Производство информации и новостей, а также их доведение до неограниченного круга лиц — одно из главных достоинств таких социальных сетей, как Instagram, Facebook, Telegram, TikTok и мн. др. Террористические организации быстро освоили новые коммуникативные возможности, тем более не требующие высоких познаний в компьютерной технике (достаточно наличия современного телефона с доступом к высокоскоростному интернету). Это привело к смене стратегии и тактики вербовки адептов и пропаганде идеологии. Правоохранительные органы отрабатывают такие явления, как «саморадикализация» [7], «одинокий волк» [8], «спящая ячейка» [9]. Террористические организации прекрасно освоили принципы формирования гибридных угроз, когда, отказываясь от прямой пропаганды экстремистских идей, можно достигать смежных результатов с помощью тиражирования фейковых сведений, травли противников, их компрометации, преследования (сталкинг), обнародования их персональных данных в сети (кибердоксинг), использования демократических площадок для продвижения идей, хотя прямо не запрещенных, но, по сути, направленных на формирование тоталитарного мышления. Все это настолько быстро получает распространение, что уже многими политиками выдвигается идея о симбиотических отношениях с преступными организациями, когда терроризм, как следствие — некий негативный налог на блага современной цивилизации. А. Картунов (Генеральный директор Российского совета по международным делам) отмечает: «Терроризм становится частью повседневности. Он, скорее, воспринимается как погодное явление — как неожиданный противный дождь погожим летним днём или как внезапная метель, сменившая солнечное зимнее утро. Конечно, досадно и дискомфортно» [10].

Простота доступа во Всемирную паутину, наличие глобальных предложений от провайдеров и технологических операторов, многофункциональность мобильных устройств и широкий спектр их применения (давно вышедший за пределы устного телефонного разговора) — все это возлагает на государство дополнительные обязанности по формированию мер безопасности, предотвращения угроз и защиты граждан от преступного контента [11]. Легких решений здесь пока не предвидится. Государства только «нащупывают» возможные варианты, подвергаясь жесткой критике со стороны правозащитных организаций, видящих в закреплении регуляторных механизмов угрозу основным правам и свободам, сужение демократического пространства. Отсутствие полного понимания закономерностей распространения информации в социальных сетях, ее степени влияния

на индивидуальное (а также массовое сознание) приводит к отсутствию единства подходов к регулированию электронных коммуникаций. Этот вывод применим и к разработке дополнительных норм, нацеленных на установление правового режима социальных сетей в условиях нарастания террористических угроз. Ряд ученых настаивают на введении максимально жестких правил, основанных на внедрении государственного контроля и мониторинга социальных сетей [12; 13]. Иная позиция основана на ограниченности таких мер, преодолеваемых с помощью различных технических средств. К тому же в мире возрастает число сторонников концепции публичных цифровых прав, постулирующей максимальную свободу в виртуальном мире (внедряется также парадигма сетевого нейтралитета) [14].

Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, где информационная безопасность обозначена как один из стратегических национальных приоритетов. Обращение к тексту Стратегии показывает, что в ней отсутствует подробный анализ влияния цифровых коммуникаций на современные взаимоотношения в российском обществе. Есть общие характеристики деструктивных вмешательств в сфере информационной безопасности, которые создают угрозу национальным интересам Российской Федерации [15]. В то же время Стратегия не идет по пути провозглашения «цифрового суверенитета» по примеру Китайской Народной Республики (юридическим оформлением данной концепции можно считать Закон КНР от 07.11.2016 «О кибербезопасности»). В Стратегии указывается на активизацию иностранных разведывательных организаций, усиление контроля за Интернетом со стороны транснациональных корпораций, анонимность как условие совершения киберпреступлений, технологическую зависимость Российской Федерации. В соответствии с п. 56 Стратегии «целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве». Поставленная цель предопределила и решение соответствующих задач (в Стратегии их 16).

Необходимо упомянуть также Указ Президента РФ от 12.04.2021 № 213, утвердивший Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности. Несмотря на то, что данный документ принят ранее Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, они между собой коррелируют и нацелены на решение единых задач в информационной сфере. В качестве ключевых угроз четко обозначено «использование информационно-коммуникационных технологий в террористических целях, в том числе для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников» (п. 8).

Заявленные задачи выстраивают соответствующую законотворческую политику в сфере регулирования социальных сетей. Повышенное внимание к новой форме коммуникаций обусловило принятие следующих Федеральных законов: от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (закрепил требования о хранении контента); от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» (получивший неформальное название

как Закон о «суверенном интернете»); от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». Подготовлен также проект Федерального закона о регулировании рекомендательных алгоритмов онлайн-платформ, нацеленный на регламентацию сервисов рекламных предложений на различных онлайн-площадках и в социальных сетях [16].

Аналогичные тенденции можно увидеть и в других странах, также все активнее ставящих вопрос о введении регулирования в отношении сети Интернет. В Германии с 2017 г. действует Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях [17]. При его обсуждении высказывались ключевые цели: отказ от монополии основных гигантов индустрии (распространение на них национальных правил регулирования) и противодействие террористическим угрозам [18].

Сопоставление норм NetzDG и российского Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» позволяет увидеть некоторые общие черты: наличие ответственного лица (так называемое правило о «приземлении»), взаимодействующего с органами государственной власти; принятие правил рассмотрения обращений со стороны пользователей; подготовка отчетных документов и др. Даже условия, в которых принимались нормативные акты, указывают на наличие единых обстоятельств. Как в России, так и в Германии принятию законов предшествовали переговоры официальных ведомств с представителями IT-индустрии, в рамках которых ставились вопросы о согласовании единых правил поведения на территории государства. В обеих странах поводом для таких переговоров было игнорирование официальных запросов от национальных регуляторов по запретам на распространение противоправного контента. В каждом случае операторы отвечали если не отказом, то затягиванием рассмотрения обращений и общими ссылками на необоснованность и введение цензуры. По ключевым вопросам так и не было достигнуто каких-то значимых соглашений, что привело к внесению соответствующей инициативы и принятию законов.

Есть и некоторые различия. Российский закон вводит единые правила для операторов телекоммуникационной сети. Германский закон нацелен на регулирование только социальных сетей, хотя правоприменительная практика свидетельствует о расширении его действия. В частности, первоначально четко прослеживался отказ от введения специального правового режима для мессенджеров. В 2021–2022 гг. Федеральное управление юстиции Германии возбудило два административных производства о назначении штрафа за нарушения правил, установленных NetzDG, в отношении мессенджера Telegram [19]. Несмотря на то, что администратор мессенджера сотрудничает с правоохранительными органами Германии по вопросам удаления ботов и каналов, связанных с террористическими организациями, основные претензии были связаны с размещением материалов правового экстремистского толка. Федеральное уголовное ведомство в январе 2022 г. опубликовало пресс-релиз о принуждении Telegram к соблюдению NetzDG [20]. Мессенджер в ответ на такие претензии мобилизует правозащитные организации, обвиняя государство в ущемлении свободы слова. Для популяризации норм закона на сайте Федерального ведомства юстиции размещены разъяснения Закона об улучшении правоприменения в социальных сетях в виде вопросов – ответов.

Отдельным пунктом выступает ответ на вопрос, связанный с ограничением свободы слова, который обозначен как отрицательный: «Нет. Правила для социальных сетей служат только для обеспечения того, чтобы операторы сетей быстро и всесторонне соблюдали свои юридические обязательства, которые и так существовали до вступления в силу Закона об улучшении правоприменения в социальных сетях, по удалению или блокированию незаконного контента (как только они узнали о них)... Незаконный контент не подлежит защите как свобода выражения мнения» [21].

Несмотря на формирующуюся правовую базу, присутствует значительное число пробелов в российском законодательстве (это характерно и для иных стран), снижающих эффективность обеспечения интересов национальной безопасности в виртуальном пространстве (применительно к режиму социальных сетей). Перечислим только базовые: отсутствие единого понятия социальной сети, позволяющего отграничить его от смежных электронных площадок (мессенджеры, телеграм-каналы, имидж-борды и др.); закрепление базовых технических требований к деятельности интернет-провайдеров (что находится в прямой зависимости от технологического суверенитета страны); обеспечение суверенизации виртуального пространства с помощью национальных технологий (их отсутствие приводит к технологической зависимости от интернет-гигантов). Обратим внимание, что введение дополнительных регуляторных механизмов в отношении ключевых операторов социальных сетей и мессенджеров обусловлено не только требованиями обеспечения национальной безопасности (справедливость которых не оспаривается участниками взаимодействия), но и нарастающим глобальным противостоянием транснациональных корпораций и органов публичной власти. Экстерриториальность распространения информационных потоков приводит к тому, что технологические гиганты становятся определенной альтернативой государству в масштабных вопросах управления социальными группами. Тот же немецкий опыт показывает, что и сами социальные сети обвиняются в чрезмерной цензуре размещаемых материалов. Например, в 2017 г. был заблокирован аккаунт немецкого сатирического журнала «Titanic» в сети Twitter после критических публикаций на тему исламизма. Ассоциация немецких журналистов обвинила Twitter в цензуре: «Частная компания, базирующаяся в Соединенных Штатах, определяет границы свободы прессы и мнения в Германии» [22]. В других случаях Twitter блокировал аккаунты известных немецких политиков за эмоциональные высказывания по требованию прокуратуры, в этом же 2017 году пострадавшей стороной стала Беатриса фон Шторх [23]. Аналогичные процессы проходят во многих странах мира. Это указывает на то, что государства будут находиться в поиске необходимого баланса в регулировании новых цифровых коммуникаций. Российская Федерация здесь не является исключением. Даже если какие-то нормативные акты и подвергаются жесткой критике, это не следует воспринимать как юридическую неудачу. Это только первый этап в формировании надлежащей правовой базы. Кроме того, значимый аспект заключается в необходимости формирования собственной технологической площадки. Ее отсутствие нивелирует любые ограничительные меры, принятые на национальном уровне, даже если они продиктованы интересами национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Special report. Digital 2020. Your ultimate guide to the evolving digital world. URL : <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020/>.
2. Daily social media usage worldwide 2012-2020. URL : <https://www.statista.com/statistics/433871/daily-social-media-usage-worldwide/>.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М. : Издательство ГУ ВШЭ, 2000.
4. Курносенко А. А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества : дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2016.
5. Weimann G. Cyberterrorism: The Sum of All Fears? // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2005. № 28. P. 129–149.
6. Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community for the House Permanent Select Committee on Intelligence, Dennis C. Blair, Director of National Intelligence, February 3, 2010. URL : https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/20100203_testimony.pdf.
7. Осипов В. Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации // *Социологический альманах*. 2018. № 9. С. 51–61.
8. Крусс В. И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 4. С. 2–11.
9. Емельяненко В. Кто создает «спящие» ячейки радикалов и экстремистов // *Российская газета*. 2018. 30 окт. URL : <https://rg.ru/2018/10/30/kto-sozdaet-spiashchie-iachejki-radikalov-i-ekstremistov.html>.
10. Картунов А. Терроризм любителей как дополнительный налог на блага цивилизации. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/terrorism-lyubiteley-kak-dopolnitelnyy-nalog-na-blaga-tsivilizatsii/>.
11. Романовский Г. Б., Романовская О. В. Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт. М. : Проспект, 2021.
12. Степанов О. А. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху. М. : Юрайт, 2022.
13. Жуйков А. А. Информационная безопасность в условиях генезиса виртуального пространства трансформирующегося российского общества : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2016.
14. Garretta T., Setenareski Ligia E., Peres Leticia M., Bona Luis C.E., Duarte Jr. Elias P. A survey of Network Neutrality regulations worldwide // *Computer Law & Security Review*. 2022. Vol. 44. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364922000024>.
15. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Основные направления совершенствования правовой политики по обеспечению в условиях глобализации информационной безопасности // *Российская юстиция*. 2021. № 3. С. 2–4.
16. В Госдуму внесут законопроект о регулировании алгоритмов соцсетей. URL : <https://dumatv.ru/news/v-gosdumu-vnesut-zakonoproekt-o-regulirovanii-algoritmov-sotssetei>.
17. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG). URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html>.

18. Adamski H. Hassreden (Hate Speech) im Internet. Zum Streit um das Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG) // Gesellschaft. Wirtschaft. Politik. 2018. № 1. S. 135–142.

19. Telegram soll sich an das NetzDG halten. URL : <https://netzpolitik.org/2021/bussgeldverfahren-telegram-soll-sich-an-das-netzdg-halten/>.

20. Messengerdienste sind kein rechtsfreier Raum. URL : https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2022/Presse2022/220126_PM_Telegram.html.

21. Häufig gestellte Fragen. URL : https://www.bundesjustizamt.de/DE/Themen/Buergerdienste/NetzDG/Fragen/FAQ_node.html.

22. German hate speech law tested as Twitter blocks satire account. URL : <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatecrime-idUSKBN1ES1AT>.

23. Auch Facebook klagt gegen das Netzwerkdurchsetzungsgesetz. URL : <https://www.vau.net/wettbewerb-vielfalt/content/facebook-klagt-gegen-netzwerkdurchsetzungsgesetz>.

References

1. Special report. Digital 2020. Your ultimate guide to the evolving digital world. URL : <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020/>.

2. Daily social media usage worldwide 2012-2020. URL : <https://www.statista.com/statistics/433871/daily-social-media-usage-worldwide/>.

3. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura [Information Age: Economy, Society, Culture]. M. : Publishing House GU VSHE, 2000.

4. Kurnosenko A. A. Internet v processe formirovaniya pravovoj kul'tury molodezhi v usloviyah transformiruyushchegosya rossijskogo obshchestva : dis. ... kand. soc. Nauk [Internet in the process of formation of the legal culture of youth in the conditions of the transforming Russian society: dissertation for degree of Candidate of social sciences]. Krasnodar, 2016.

5. Weimann G. Cyberterrorism: The Sum of All Fears? // Studies in Conflict & Terrorism. 2005. № 28. P. 129–149.

6. Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community for the House Permanent Select Committee on Intelligence, Dennis C. Blair, Director of National Intelligence, February 3, 2010. URL : https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/20100203_testimony.pdf.

7. Osipov V. G. Radikalizm, ekstremizm i terrorizm. K metodologii problematizacii // Sociologicheskij al'manah [Radicalism, extremism and terrorism. To the methodology of problematization // Sociological almanac]. 2018. No. 9. P. 51–61.

8. Kruss V. I. Doktrinal'nye innovacii v kontekste konstitucionalizacii rossijskoj pravovoj sistemy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Doctrinal innovations in the context of the constitutionalization of the Russian legal system // Constitutional and municipal law]. 2013. No. 4. P. 2 –11.

9. Emel'yanenko V. Kto sozdaet «spyashchie» yachejki radikalov i ekstremistov // Rossijskaya gazeta. 2018. 30 okt. [Who creates «sleeping» cells of radicals and extremists // Rossiyskaya Gazeta. Oct 30, 2018] URL : <https://rg.ru/2018/10/30/kto-sozdaet-spiashchie-iachejki-radikalov-i-ekstremistov.html>.

10. Kortunov A. Terrorism lyubitelej kak dopolnitel'nyj nalog na blaga civilizacii [Terrorism of amateurs as an additional tax on the benefits of civilization]. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/terrorism-lyubiteley-kak-dopolnitelnyy-nalog-na-blaga-tsivilizatsii/>.

11. Romanovskij G. B., Romanovskaya O. V. Prava cheloveka i bor'ba s terrorizmom: zarubezhnyj opyt [Human rights and the fight against terrorism: foreign experience]. M. : Prospekt, 2021.

12. Stepanov O.A. Protivodejstvie kiberterrorizmu v cifrovuyu epohu [Countering cyberterrorism in the digital age]. M. : YUrajt, 2022.

13. Zhujkov A. A. Informacionnaya bezopasnost' v usloviyah genezisa virtual'nogo prostranstva transformiruyushchegosya rossijskogo obshchestva : avtoref. dis. ...kand. soc. nauk [Information security in the conditions of the genesis of the virtual space of the transforming Russian society: thesis of dissertation for the degree of Candidate of Social sciences]. Krasnodar, 2016.

14. Garretta T., Setenareski Ligia E., Peres Leticia M., Bona Luis C.E., Duarte Jr. Elias P. A survey of Network Neutrality regulations worldwide // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 44. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364922000024>.

15. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya pravovoj politiki po obespecheniyu v usloviyah globalizacii informacionnoj bezopasnosti // Rossijskaya yusticiya [The main directions of improving the legal policy to ensure information security in the context of globalization // Russian Justice]. 2021. No. 3. P. 2–4.

16. V Gosdumu vnesut zakonoproekt o regulirovanii algoritmov socsetej [A draft law on the regulation of social network algorithms will be submitted to the State Duma]. URL : <https://dumatv.ru/news/v-gosdumu-vnesut-zakonoproekt-o-regulirovanii-algoritmov-sotssetei>.

17. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG). URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html>.

18. Adamski H. Hassreden (Hate Speech) im Internet. Zum Streit um das Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG) // Gesellschaft. Wirtschaft. Politik. 2018. № 1. P. 135–142.

19. Telegram soll sich an das NetzDG halten. URL : <https://netzpolitik.org/2021/bussgeldverfahren-telegram-soll-sich-an-das-netzdg-halten/>.

20. Messengerdienste sind kein rechtsfreier Raum. URL : https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2022/Presse2022/220126_PM_Telegram.html.

21. Hdufig gestellte Fragen. URL : https://www.bundesjustizamt.de/DE/Themen/Buergerdienste/NetzDG/Fragen/FAQ_node.html.

22. German hate speech law tested as Twitter blocks satire account. URL : <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatecrime-idUSKBN1ES1AT>.

23. Auch Facebook klagt gegen das Netzwerkdurchsetzungsgesetz. URL : <https://www.vau.net/wettbewerb-vielfalt/content/facebook-klagt-gegen-netzwerkdurchsetzungsgesetz>.